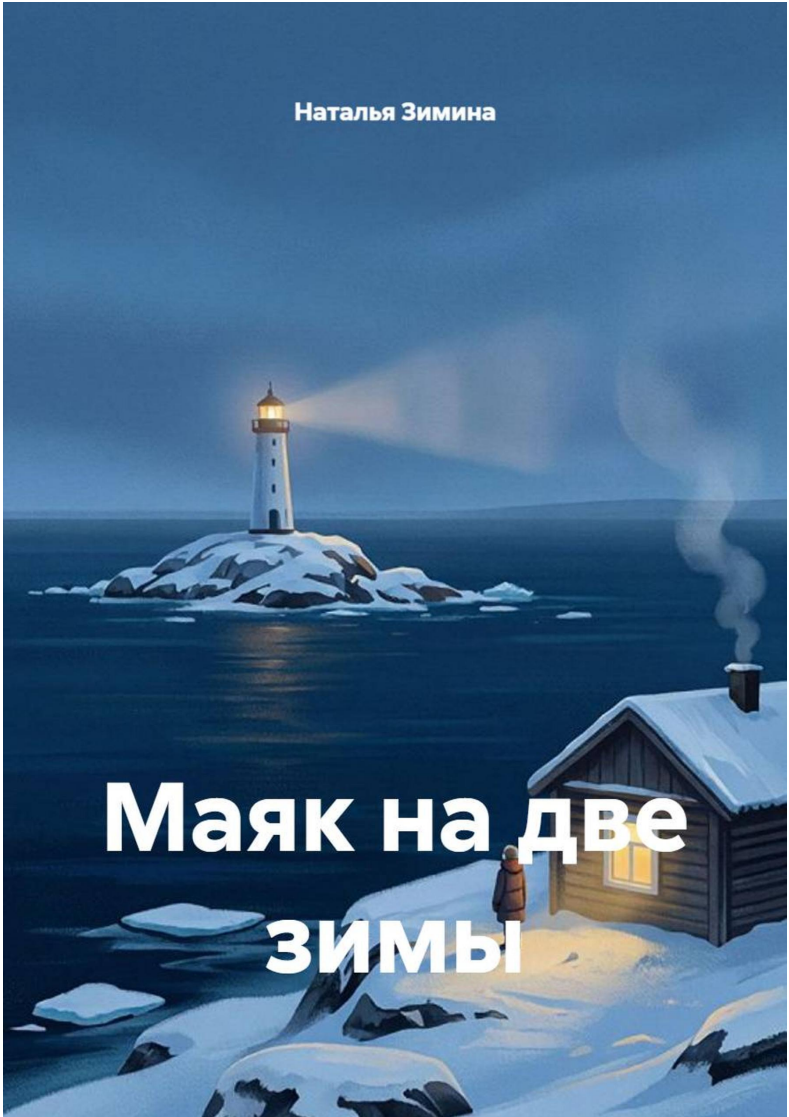
Наталья Зимина

Маяк на две зимы

Наталья Зимина
Маяк на две зимы

https://litres.ru/74929783
SelfPub; 2026

Аннотация

Тамаре сорок четыре, за плечами — двадцать два года брака. Муж «всё осознал» — и ушёл к коллеге моложе на пятнадцать лет. Тамара не бьёт посуду: она реставратор, посуду склеивают. Она берёт два чемодана — вещи и инструменты — и уезжает туда, где дорога кончается: в посёлок Студёный Кут на Белом море. Полдома, печь, вид на маяк.

Маяку «Студёный» — сто пятьдесят лет. Смотритель Глеб — вдовец, молчаливый и надёжный, «как берег». Но местным не до романтики: область постановила перевести маяк в необслуживаемый режим, а смотрителя — сократить. У Тамары — реставраторская хватка и вера, что чинить можно не только стулья. У посёлка — сто сорок подписей, пекарь с шаньгами и школьник, сформулировавший лучше всех: «Маяк без человека — как школа без звонка: стоит, а не зовёт».

Роман о втором шансе после сорока: северное море, январский шторм, который проверит всё, музей на месте «оптимизации» и любовь, которая начинается со слов «пойдёмте, разотру спину» — буднично и навсегда.

Маяк на две зимы

ГЛАВА 1. ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА, ДВА ЧЕМОДАНА

Муж сказал «нам надо поговорить» в четверг, а в пятницу я купила билет до конца географии. Не до конца света — до конца географии: дальше дороги не было, только море и маяк.

К слову «развод» я оказалась не готова, хотя, казалось бы, — двадцать два года стажа. Всё как у людей: он — архитектор, я — реставратор мебели, дочь — студентка, квартира — трёшка с лепниной. И вдруг — «я всё осознал, Тамара, я живу не свою жизнь». Оказалось, «свою жизнь» зовут Алиной, она моложе меня на пятнадцать лет и работает в его же бюро.

Я не била посуду. Я — реставратор. Посуду мы склеиваем.

Я взяла два чемодана: в одном — вещи, в другом — инструменты. Шпатели, лаки, кисти-белка, лупа и баночка с золотой пылью для потали. Если уж начинать новую жизнь — то с нормальным инструментом.

Посёлок назывался Студёный Кут. Я нашла его на карте случайно — тыкала пальцем вдоль беломорского берега и думала: куда бы меня не достали московские счета. До посёлка шли поездом до райцентра, потом — три часа автобусом по грунтовке вдоль берега. Из окна — берёзы, камни, море: то справа, то слева, будто дорога не решила, куда его деть.

Дом я сняла через знакомую знакомой: «полдома, печь,

вид на маяк, зимой — пусто, хозяйка уедет к дочери в Архангельск, ты одна будешь, не боишься?» Не боюсь, сказала я. Врать в сорок четыре — грех, но небольшой.

ГЛАВА 2. СТУДЁНЫЙ КУТ

Триста двенадцать человек, один магазин «Север», школа на двадцать учеников, фельдшерский пункт, пекарня и красный уголок с бильярдом без двух шаров. Маяк — на мысу, в получасе пешком по берегу: белый ствол, чёрная оптика, восемьдесят один шаг винтовой лестницы. Я потом посчитала.

Хозяйка дома, баба Зина, сдала мне ключи, показала, где дрова, где погреб, где «не ходи — там мостки у причала трухлявые», и укатила. Первую ночь я не спала: море дышало так, будто за стеной жил кто-то большой и спокойный. К утру я поняла: это был первый за полгода звук, который меня не пугал.

В магазине «Север» меня приняли молча — в таких местах сначала смотрят, потом разговаривают, потом, если повезёт, — дружат. Продавщица Варька, девятнадцать лет, крашеный хвост, взгляд рентген, пробила мне макароны, сгущёнку и чай и спросила: «Вы — к маяку или от маяка?»

— В смысле?

— Бывают люди «к маяку», бывают «от маяка». Первые — смотрят на него и вздыхают. Вторые — от него шарахаются. Вы — пока непонятно.

Я посмотрела в окно — на белый столб над мысом.

— Наверное, «к».

— Тогда вам к Глебу Полторацкому, — сказала Варька и вздохнула так, что стало ясно: над Глебом Полторацким вздыхал весь женский состав посёлка от восемнадцати до восьмидесяти. — Смотритель. Хмурый. Зато — надёжный, как берег.

ГЛАВА 3. СМОТРИТЕЛЬ

Я пошла к маяку на третий день — просто так, «посмотреть». Погода была сентябрьская: ветер, солнце, море — то зелёное, то стальное. У маяка пахло смолой и снедью будущего — той особенной северной прохладой, которая приходит за месяц до снега.

У фундамента стоял человек и конопатил лодку. Высокий, в брезентовой робе, руки — загар до локтя и дальше. Возле лежал пёс — лохматый, с умными глазищами, окраса «непонятно кто, но прекрасный».

— Добрый день, — сказала я. — Я Тамара. Сняла дом Зины Пахомовой.

Он выпрямился. Лет сорок восемь-пятьдесят, лицо — как у людей, которые много смотрели на воду: спокойное, с морщинами от прищура.

— Глеб. Смотритель. — Он кивнул на пса: — Найда. Он первым решает, разговаривать или нет.

Найда решил: подошёл, обнюхал мои ботинки, вздохнул и лёг мне на ногу. «Разговаривать», — перевёл Глеб.

— Вы надолго? — спросил он.

— На зиму. Я реставратор. Мебель.

— Мебель, — повторил он, будто я сказала «аккордеон» или «астронавт». — В Студёном Куте мебели — сорок комплектов. И тридцать из них — «за шкафом у Людмилы в администрации».

— Значит, мне сюда, — сказала я. И мы оба не поняли, шутка это или уже нет.

ГЛАВА 4. ШКАФ ЛЮДМИЛЫ

Слово «мебель» в Студёном Куте сработало быстрее, чем я думала. На четвёртый день в мой дом постучала Людмила — глава сельского поселения, пятьдесят лет, каре цвета воронова крыла и взгляд человека, который держит на себе триста двенадцать человек и один праздник.

— Тамара Аркадьевна? Мне сказали — вы мебель... чините?

— Реставрирую.

— У меня в администрации — шкаф. Царский, наверное. При прежнем голове остался. У него дверца на одном честном слове держится и на трёх гвоздях. Гвозди — мои. Дверца — не моя. Сделаете?

Шкаф оказался не царским, но честным: карельская берёза, 1913 год, фасад — с интарсией в виде чайки. Двадцать лет назад его «покрыли олифой» — за что автор иконы, если бы он был рядом, — и дверцу прикрутили шурупами к раме. Я работала три дня, у себя в доме, у окна: снимала олифу, вычистила шпон, склеила шипы на горячем казеине, воссоздала утраченный угол чашки — по зеркальному, со второй

дверцы. Людмила пришла принимать работу, открыла дверцу, закрыла, открыла — и сказала:

— Во. Теперь — как человек. Не то что некоторые.

Кто «некоторые», я узнала через минуту: «некоторые» — это область, которая в августе подписала приказ о «переводе маяка „Студёный“ в режим необслуживаемого освещения с первого января». Бумага лежала у Людмилы в столе — та самая, под банкой с гвоздями.

— Погоди, — сказала я. — То есть маяк останется — но без человека?

— Без человека. Автоматика. Приедет раз в год — техник, помашет ручкой. А Глеба — сократить. Он тут двадцать лет. И «пост резервного наблюдения» — снять: рация, дублирующий свет, тёплая комната для зимних аварий. Бумага называет это «оптимизацией».

— И что посёлок?

— А посёлок что? Посёлок — третьи сутки подписывает бумагу другую — «против». Подписали — сто сорок человек. Из трёхсот двенадцати. Остальные — «а что изменится».

ГЛАВА 5. ХОЗЯЙКА ЗАБЫТОЙ МЕБЕЛИ

Так у меня появилась работа и здоровье — оба сразу. По посёлку пошёл слух: «приехала — царский шкаф починила — берётся за любое — деньги берёт скромные — болтает мало». У сто тридцати человек дома стояли предметы, которые «выбросить жалко, а смотреть тошно»: комод с облез-

лым лаком, стулья с перетёршимися царгами, секретер, у которого ящик открывался в гордое одиночество.

Я завела тетрадь: имя хозяина, предмет, что болит, что обещала. Стул Гошки — школьного: «дедушкин, на нём дед кулебяку ставил остывать». Комод Нины-пекаря: «мама писала на нём письма отцу на флот». Секретер фельдшера Ольги: «открывала — а там папины ордена, я двадцать лет не знала».

Мебель в таких посёлках — не вещь. Мебель — семья, которая осталась. Я чинила семью за семьёй — и меня, сами того не заметив, приняли.

А по вечерам я ходила к маяку. Не «к Глебу» — именно к маяку: у меня появилось место, где думается. Глеб первые две недели присутствовал вежливо: молча подавал то кружку, то гаечный ключ, то — сам, без спроса — поддерживал фанерку, которую я прижимала подбородком. Найда ложился на мои ботинки — уже как на свою собственность.

— Вы бы чай пили с нами, — сказал однажды Глеб. Кажется, это была самая длинная его фраза за неделю.

— Я и пью.

— С нами — это с бутербродом. У Нины — хлеб взял. Она — с корицей сегодня.

Мы пили чай с бутербродами на верхней площадке, под линзой. Море лежало вокруг — тёмное, со стальными полосами, — и свет ходил над ним кругами, как большая терпеливая рука.

ГЛАВА 6. АНДРЕЙ ЗВОНИТ

В конце сентября позвонил муж.

— Тамара. Ты — нормально? Где ты вообще? Твоя мать мне говорит — «на север». Это где — «на север»? Ты можешь просто ответить на вопрос?

— Могу. Я в Студёном Куте. Снимают дом. Работаю. У меня — очередь из ста тридцати шкафов.

— Шкафов.

— Шкафов, комодов, секретёров и одного корабельного штурманского столика. Он — с инкрустацией, между прочим.

Пауза была длинной. Потом Андрей сказал то, что, наверное, репетировал:

— Там. Понимаешь, Алина — она... мы — разные. Я всё понял. Я хочу вернуться. Давай начнём заново, да? Ты только приезжай. Квартиру я не... В смысле, я жду.

Я стояла с телефоном у окна. За окном — море. В море — отражение маяка, размазанное волнами, но упрямое.

— Андрей. Ты двадцать два года знал, где моё сердце. А я только нашла, где моё — место. Мне надо — тут.

— Это — на год?

— Это — пока.

ГЛАВА 7. ХЛЕБ С КОРИЦЕЙ

Нина — пекарь — была в посёлке человеком номер два после фельдшера и номер один — по утрам. Пекарня топилась с четырёх, и к семи у «Севера» выстраивались не за хле-

бом — за Нининими шаньгами и «кардамонками», от которых у москвички вроде меня пропадала способность говорить.

Нине было пятьдесят пять, она была вдова капитана тральщика и держала на пекарне весь посёлок: не только хлебом — новостями, утешением и неспешным судом. Узнав, что я «мебельная», она привела меня к себе в горницу — показать горку.

Горка была — чудо: мебельная стенка девяностых, но в центре, за стеклом, — рамка с фотографией капитана и — маленькая полочка, которую он выпилил ей на помолвку. Полочка — с сердечком, наивным, как открытка.

— Эту — не трогайте, — сказала Нина строго. — Она — кривая. Пусть — кривая. Он — кривой выпилил, — она помолчала, — по любви, значит.

Я понимаю в кривых сердечках больше, чем кажется: на них держится половина мира. Я отреставрировала горку — аккуратно, не трогая сердечко, — и Нина неделю кормила меня бесплатно, что по местным меркам равно удочерению.

ГЛАВА 8. ГОШКА

Гошка, двенадцать лет, сын учителя Аркадия Семёновича, появился у моего крыльца с великим достоинством: «Мне сказали, вам нужен помощник. Я — сильный. Пять рублей в неделю».

Помощник мне не нужен был. Но у Гошки были руки-крючки, глаза-искатели и та самая детская тоска по ма-

стерству, которую узнаёшь сразу, если сам её пережил. Мы сошлись на трёх рублях и обучении: он подавал, держал, шкурил, учил названия деревьев и слушал про шпон так, как его ровесники слушают про футбол.

Через две недели Гошка отличился. Я ползала по полу, склеивая царгу дедовского стула, а он вдруг сказал: «Тамара Аркадьевна, а в школе говорят, что маяк закроют и вашего Глеба уволят. А это — неправильно».

— Что — неправильно?

— Маяк без человека. Как школа без звонка: стоит — а не зовёт.

Я села на пол, среди стружек. Школа без звонка. За эту формулировку иные докладчики в области отдали бы месячную премию.

— Гошка. А журнал — правда есть? Тот, со штормами?

— Сто девяносто второй год. Дедушка моего папы ещё вёл. Там — всё: когда лёд, когда «макарка» — это корабль такой, — когда киты зашли. Глеб говорит: бумага — терпит. А люди — нет.

ГЛАВА 9. КЛИМОВ

В октябре приехал Климов — молодой человек из областного управления, «по вопросам оптимизации осветительных сооружений». Белая куртка, белая машина, ноутбук с наклейками. Он повторял слово «прогресс» так часто, что к концу встречи оно звучало как имя его собаки.

Собрание было в красном уголке, при бильярде без двух

шаров. Климов вещал: экономия — четыреста тысяч в год, «автоматика надёжнее человека», «смотритель — архаика». Посёлок слушал молча — так, что даже я, приезжая, понимала: молчание — это не согласие. Это — патроны.

Первым встал Аркадий Семёнович — учитель, тихий, в свитере с оленем.

— Молодой человек. В восемьдесят девятом я водил детей на «Пингвине» — школьном катере. Полчаса до архипелага. Шторм застал — в сентябре. Автоматика тогда работала: свет — светил. А рация — нет: рацию держал человек. Глеб вышел на связь, поднял спасателей, подвёл катер огнём. Дети — живы. Все — двадцать шесть. Скажите: ваша автоматика — поднимет рацию?

Климов пошуршал бумагами.

— Это — частный случай...

— Двадцать шесть частных случаев, — сказал Аркадий Семёнович и сел.

Встала Ольга — фельдшер: «Зимой дорогу заметает. Связь — рвётся. У кого — рация с горячим чаем? У Глеба». Встала Нина: «Экономия — четыреста тысяч. Похороны — дороже». Встала Людмила — уже с подписями: сто сорок две.

Климов поёжился, сказал «вопросы учтены, решение принято в области» и уехал. Уехал — быстро. Мы остались в уголке, при бильярде, и Глеб, который всё собрание просидел у стены и не сказал ни слова, вдруг произнёс в спину бе-

лой машине:

— Я — не против автоматики. Я — против — «необслуживаемый берег».

ГЛАВА 10. МУЗЕЙ

Идея пришла ко мне за работой — все лучшие идеи приходят именно так, потому что руки заняты и голове ничего не остаётся, кроме как думать.

Я реставрировала комод Нины и слушала, как она рассказывает про горку и капитана. И вдруг поняла: я сижу в посёлке, где у каждого второго в доме — вещь с историей. Штурманский столик. Судовой барометр. Фонарь с тральщика. Журнал маяка со сто девяносто второго года. Посёлок — музей, который не знает, что он музей.

— Людмила, — сказала я назавтра в администрации, — а что если маяк — не закрывать, а открывать? Не «необслуживаемый объект», а музейная точка: смотритель — он же гид, флигель — выставка, журнал — экспонат, экскурсии — лето, школа — практика. Автоматика — пусть. Человек — останется.

Людмила посмотрела на меня, как смотрят на шкаф, у которого вдруг открылся третий ящик.

— Тамара. Ты понимаешь, что ты сейчас сказала? «Музей» — это — статус. Статус — это — областные деньги. Областные деньги — это — бумага. Бумага — это — полгода.

— У нас — два месяца до первого января.

— Значит, — Людмила встала и достала из-под шкафа

еще одну банку с гвоздями, — работать будем по-студёновски: быстро, зло и с бутербродами.

ГЛАВА 11. ДЕЛО О ШКАФЕ

Я сделала то, что умею: опись. Две недели я ходила по домам с тетрадью и фотоаппаратом: предмет, год, состояние, история. Гошка — с планшетом (в школе — есть интернет, если ветер южный) — заносил в таблицу. Ольга принесла судовую аптечку — «в жестяном коробе, с логотипом пароходства, одна в районе». Варька — бабушкину шкатулку с «письмами с фронта, двадцать три штуки, читать — можно, плакать — сама». Аркадий Семёнович — судовой журнал «Пингвина».

Вышло сто восемнадцать предметов. Сто восемнадцать историй. Я упаковала это в «Обоснование историко-культурной ценности комплекса „Маяк Студёный“» — и поехала в райцентр, к краеведу Марку Соломоновичу, которого нашла через московских коллег-реставраторов.

Марк Соломонович, восемьдесят один год, очки на лбу и лупа на шее, читал мою опись четыре часа, шевеля губами. Потом снял очки и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.